

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Научная статья

УДК 94

doi: 10.17223/19988613/98/1

«Американский комитет за освобождение народов России» и переговоры о политическом объединении эмиграции из СССР в условиях Корейской войны

Алексей Валерьевич Антошин

*Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия, alex_antoshin@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена инициированному «Американским комитетом за освобождение народов России» переговорному процессу о политическом объединении эмиграции из Советского Союза, который проходил в начале 1950-х гг. Исследование основано на материалах российских, американских и европейских архивов. Доказано, что ключевую роль в неудаче данных переговоров сыграл национальный вопрос, различия между позициями русских эмигрантов и группировок, представлявших различные республики СССР, по вопросу о будущем единого государства после крушения коммунистического режима.

Ключевые слова: холодная война, русская эмиграция, Американский комитет за освобождение народов России, Корейская война, радио «Свобода»

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01705, проект «Интернационализация проблемы беженцев, “перемещенных лиц” и малых народов в условиях холодной войны», <https://rscf.ru/project/22-28-01705/>

Для цитирования: Антошин А.В. «Американский комитет за освобождение народов России» и переговоры о политическом объединении эмиграции из СССР в условиях Корейской войны // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 98. С. 5–13. doi: 10.17223/19988613/98/1

Original article

“American Committee for the Liberation of the Peoples of Russia” and negotiations on the political unification of emigration from the USSR in the context of the Korean War

Alexey V. Antoshin

*Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russian Federation, alex_antoshin@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the negotiation process initiated by the "American Committee for the Liberation of the Peoples of Russia" on the political unification of emigration from the Soviet Union, which took place in the early 1950s. The article is based on materials from the State Archives of the Russian Federation (Moscow, Russia), the Archives of the Hoover Institution for War, Revolution and Peace (Stanford, USA), Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture (New York, USA), Department of Special Collections, Georgetown University Library, the Archives of the International Institute of Social history (Amsterdam, the Netherlands). The main groups of historical sources used in this article are the minutes of meetings of emigrant forums, official statements of the American Committee and emigrant associations, personal correspondence of Russian emigrants, memoirs, periodicals. Considerable attention is paid to the ideological guidelines of the American Committee, its political goals, personnel and governing bodies. The reasons for the start of the negotiation process, the course of meetings in the West German cities of Füssen, Stuttgart and Wiesbaden and their results are analyzed. Particular attention is paid to the position of Ukrainian political organizations on the possibility of agreements with Russian emigrant groups. The conclusion is substantiated that the political elite of the United States was aimed at finding compromises between Russian emigration and political groups of immigrants from various republics of the Soviet Union. It is proved that the key role in the failure of these negotiations was played by the national question, the differences between the positions of Russian emigrants and groups representing various republics of the USSR on the issue of the future of a unified state after the collapse of the communist regime. At the same time, it is shown that the positions of political organizations representing various peoples of the USSR were also different. Some of them advocated a compromise with Russian emigrants to unite the efforts of anti-communist forces.

Keywords: Cold War, Russian emigrants, American Committee for the Liberation of the Peoples of Russia, Korean War, Radio Liberty

Acknowledgements: The study was supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 22-28-01705, the project “Internationalization of the problem of refugees, “displaced persons” and small peoples in the conditions of the Cold War”, <https://rscf.ru/project/22-28-01705/>

For citation: Antoshin, A.V. (2025) “American Committee for the Liberation of the Peoples of Russia” and negotiations on the political unification of emigration from the USSR in the context of the Korean War. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 98. pp. 5–13. doi: 10.17223/19988613/98/1

Корейская война 1950–1953 гг. стала не только важным этапом в истории холодной войны, периодом резкого обострения международной напряженности. Она была и временем активизации деятельности в русской эмигрантской среде разнообразных американских фондов и неправительственных организаций, нередко связанных со спецслужбами. обстоятельный анализ этой проблемы содержится, в частности, в монографии известного американского историка Бенджамена Тромли [1]. Некоторые аспекты данной темы были представлены также в исследованиях российских историков М.Н. Назарова [2], П.Н. Базанова [3], Е.Г. Пивоварова [4] и др. Вместе с тем все еще существует немало сюжетов, которые требуют дополнительного изучения. В данной статье предпринята попытка «пролить свет» на некоторые вопросы, опираясь на документы Государственного архива Российской Федерации (Москва, Россия), архива Гуверовского института войны, революции и мира (Стэнфорд, США), Бахметевского архива Колумбийского университета (Нью-Йорк, США), Рукописного отдела Библиотеки Конгресса США (Вашингтон), архива Международного института социальной истории (Амстердам, Нидерланды).

Переговоры о политическом объединении эмиграции из Советского Союза были инициированы в начале 1950-х гг. «Американским комитетом за освобождение народов России», в состав которого первоначально вошли И. Дон Левин (автор одной из первых биографий И.В. Сталина, изданных на Западе), Ю. Лайонс, Р. Таунсенд, У. Чемберлин, Ч. Эдисон, У. Эллиотт, А. Гровер, У. Уайт, Дж. Митчелл. Среди этих людей были известные эксперты по российским делам, американские советологи. В мае 1951 г., объясняя необходимость создания данной структуры, член комитета бывший губернатор штата Нью-Джерси Ч. Эдисон (сын знаменитого изобретателя Т. Эдисона) заявил: «Свержение советского режима русскими людьми стало бы лучшей новостью столетий. Но только сами народы России, первые и величайшие жертвы коммунистической тирании, могут сделать это... Члены нашего комитета все изучали Россию и коммунизм; несколько человек жили длительное время под серпом и молотом как корреспонденты американской прессы. Мы глубоко убеждены, что американцы не имеют противоречий с народами России, но только с советской диктатурой, что эти народы решительно оппозиционны кремлевскому режиму, что фундаментальные интересы американского и русского народов взаимосвязаны» [5].

За время существования комитета в его составе происходили персональные изменения. Так, председа-

телями Американского комитета впоследствии становились адмирал А. Кэрк и вице-адмирал Л. Стивенс [6]. Безусловно, эти назначения были обусловлены не только принадлежностью данных фигур к военной элите США: известно, что, например, Л. Стивенс в 1947–1949 гг. являлся морским атташе при Посольстве США в Москве, владел русским языком, имел определенные познания в русской литературе. Вместе с тем не эти фигуры занимались оперативной деятельностью Американского комитета. Хорошо знавший реальную ситуацию старый эсер В.М. Зензинов, в частности, считал, что назначение А. Кэрка ничего особенного не означает: это «свадебный генерал, который понимает в русских делах столько же, сколько его жена». В.М. Зензинов подчеркивал, что главными деятелями Американского комитета, несмотря на периодические смены официальных руководителей этой структуры, являлись выходцы из России Юджин (Евгений) Лайонс и Исаак Дон Левин [7].

Американцы были заинтересованы в создании единого политического центра эмигрантов из Советского Союза. Этому центру они обещали передать в распоряжение мощное средство идеологического воздействия – радиостанцию с базой в ФРГ. Следует учесть то обстоятельство, что американцы финансировали как сам переговорный процесс, так и созданную в результате консультаций эмигрантских организаций структуру – Совет освобождения народов России [8]. При этом, как показывают исторические источники (в частности, материалы американской прессы), идеологические критерии играли важнейшую роль при отборе организаций, которые должны были участвовать в данном объединении. Так, например, в августе 1951 г. «Нью-Йорк таймс» прямо заявляла: «Верится, что центр включит в свой состав как можно более широкий круг демократически ориентированных организаций» [9].

Тем не менее американцам с большим трудом удалось посадить различные эмигрантские группировки за стол переговоров. Даже в среде русских эмигрантов найти компромисс оказалось непросто. Об этом свидетельствовал уже первый крупный общеэмигрантский форум тех лет – совещание в Фюссене (январь 1951 г.). Характерно, что оно было создано одним из наиболее авторитетных лидеров так называемых власовцев – бывшим начальником канцелярии генерала А.А. Власова полковником К.Г. Кромиади. Именно он председательствовал на данном совещании, которое объявлялось «неформальным частным обсуждением предложений Американского частного комитета» [10. Л. 3]. Таким образом, Фюссенское совещание как бы симво-

лизировало ведущую роль власовцев в антикоммунистической борьбе русской эмиграции этих лет.

Поэтому неслучайно, что весьма активны были в ходе данного совещания деятели власовского Союза борьбы за освобождение народов России (СБОНР), идея создания которого, если верить воспоминаниям офицера РОА Ф.М. Легостаева, была высказана еще в феврале 1945 г. на совещании у генерала А.А. Власова в Карлсбаде [11. С. 88]. С ними в этот период тесно сотрудничали лидеры Лиги борьбы за народную свободу (ЛБНС), которая стала наиболее известной попыткой социалистических и либеральных вождей старой эмиграции вовлечь в свою политическую орбиту новых эмигрантов из СССР. Инициаторами создания Лиги стали известные эсеры и меньшевики Р.А. Абрамович, М.В. Вишняк, В.М. Зензинов, А. Ф. Керенский, Б.И. Николаевский, В.М. Чернов и др. [12]. Лидеры этих двух групп подписали общую декларацию по ключевому вопросу переговорного процесса – национальному. Данный документ предполагал, что после свержения большевизма в России должен пройти плебисцит под контролем ООН о судьбе союзного государства. Исключение делалось лишь для стран, присоединенных к Советскому Союзу в 1939–1940 гг.: их суверенитет автоматически восстанавливался [13. С. 151].

Главными оппонентами ЛБНС и СБОНР выступали деятели Национально-трудового союза (НТС), представленные в Фюссене Е.Р. Романовым и В.М. Байдалаковым. Разногласия между двумя частями совещания наблюдались, прежде всего, в национальном вопросе и в «принципах построения исполнительного органа будущего Политического центра» [10. Л. 6]. При этом противоречия были столь серьезны, что организовать совместное обсуждение вопросов фактически не получилось. Вся работа велась в «комнатах отдельных делегаций», протокол ее не составлялся. Когда 21 января 1951 г. была предпринята попытка все-таки организовать ведение протокола, то это «оказалось практически невыполнимым», поскольку дискуссия быстро приобрела слишком «оживленные» формы [10. Л. 6]. В итоге делегация НТС даже покинула зал заседаний.

Итоговый документ Фюссенского совещания был подписан только делегациями ЛБНС, СБОНР и Союза борьбы за свободу России (его лидером был известный историк С.П. Мельгунов). Впрочем, этот документ лишь констатировал, что русским эмигрантским организациям было необходимо обсудить ряд вопросов с Американским комитетом. Именно поэтому сразу после совещания один из ключевых его участников, известный меньшевик историк Б.И. Николаевский, срочно вылетел в США.

Большинство эмигрантских аналитиков, оценивая результаты Фюссенского совещания, характеризовали его как неудачу. Так, Р.А. Абрамович, заявляя, что «Фюссен сорвался», полагал, что это совещание было «попыткой под фальшивым флагом “демократического блока” создать порочную и внутренне противоречивую тесную коалицию демократов, причесавшихся монархистов, НТС и разнородных правых элементов (Кромиади)» [14. С. 184].

В том, что Фюссен закончился фиаско, не сомневался и другой известный меньшевик советолог Д.Ю. Далин. Пытаясь понять причины этого, он обратил внимание на одно важное обстоятельство. Д.Ю. Далин подчеркивал, что русские эмигрантские группировки реально мало интересовали американскую общественность, поэтому контакты с ними были «отданы на откуп» отдельным сотрудникам военных и разведывательных структур США и связанным с ними общественным организациям наподобие Американского комитета. Фактически над данными людьми и структурами не было государственного и общественного контроля, что порождало некомпетентность [15]. По мнению старого меньшевика, именно Американский комитет, стремившийся не к образованию авторитетного эмигрантского политического центра, а к «подбору угодных личностей и групп, готовых подчиниться его указаниям», и нес основную ответственность за фиаско в Фюссене [15].

Тем не менее переговорный процесс был продолжен на конференции в Штутгарте, состоявшейся в августе 1951 г. Решающая роль на данном форуме уже открыто принадлежала Американскому комитету: характерно, что совещание было открыто И. Дон Левиным. Он в своем вступительном слове признал, что комитет нес долю ответственности за неудачу Фюссенского совещания. При этом И. Дон Левин открыто обозначил и симпатии американских инициаторов проекта к определенным политическим силам среди русской эмиграции, выразив приветствие участнику Штутгартского совещания А.Ф. Керенскому как «символу тех коротких месяцев, тех медовых месяцев – месяцев русской свободы, русской демократии, русской народности» [16].

В конечном итоге на совещании было решено создать Совет освобождения народов России (СОНР). Бесспорно, разным силам в данном случае пришлось пойти на определенные компромиссы. Американский комитет изначально был против термина «Россия» в названии общеэмигрантского органа вследствие справедливого опасения, что представители националистических эмигрантских организаций республик СССР не согласятся на такой вариант. С другой стороны, политическая платформа СОНР, принятая в Штутгарте, была явно в демократическом духе. Характерно, что она содержала ссылки на Февраль 1917 г. и Учредительное собрание, хотя, например, один из лидеров НТС А.Н. Артемов выступал против этого [16. Л. 23]. Однако, по мнению Б.И. Николаевского, именно Февраль ассоциировался с демократическими ценностями [16. Л. 23]. При этом старый меньшевик подчеркивал, что в данном случае Февраль был именно символом: «В Феврале очень много слабых сторон, и никто не защищает тот конкретный Февраль, который был у нас в истории» [16. Л. 23]. Кроме того, в итоговом тексте платформы заявлялось о недопущении в состав Совета сил, которые стремились к «реставрации дореволюционного строя» или «установлению той или иной формы тоталитарной диктатуры» [17].

Впрочем, ключевой пункт – решение национального вопроса – был представлен в платформе в компро-

миссном ключе. С одной стороны, за народами Советского Союза признавалось право на самоопределение. С другой стороны, авторы платформы СОНР выступили против распада России, за ее федеративное устройство, заявляли о невозможности сотрудничества с теми, кто пропагандировал «национальную ненависть» [17].

Безусловно, лидеры национальных группировок живо интересовались решениями Штутгартского совещания. Характерно, что один из лидеров латвийской социал-демократии Б. Калныньш обращался к В.М. Зензинову за разъяснениями по поводу позиции русских эмигрантских группировок в вопросе о статусе республик Прибалтики после крушения коммунизма в СССР [18]. Старый эсер процитировал в ответ один из пунктов платформы Штутгартского совещания, который предусматривал «пересмотр всех территориальных захватов, произведенных диктатурой за период последней войны» [19]. Платформа автоматически восстанавливала государственный суверенитет стран, присоединенных к СССР в начальный период Второй мировой войны.

Решающим этапом переговорного процесса стало совещание в западногерманском Висбадене, состоявшееся в ноябре 1951 г. На нем Американский комитет поставил задачу наконец-то посадить за стол переговоров демократов и правоцентристов из числа русских эмигрантов и ряд национальных группировок. Эта задача была заведомо непростой, подготовка совещания проходила в тяжелой атмосфере. У лидеров Лиги борьбы за народную свободу вызывали резкое отторжение многие заявления, делавшиеся украинскими националистами. Так, исключительно жестко высказывался по этому поводу осенью 1951 г. В.М. Зензинов: «Это все галицийщина или розенберговщина, очень вредные, потому что они отравляют умы национальностей, попавших за границу» [20]. В письме Л.И. Львову он рассказывал о том, как ему довелось в ходе переговоров общаться с одним туркменом, «ни за что не хотевшим ничего слышать о “России” и настаивавшем на употреблении термина “Советский Союз”, понимая под этим “временное зло”». «Вот такие люди, – подчеркивал старый эсер, – и создают в нашей среде великодержавцев и империалистов. Они просто шовинисты и никак не хотят, чтобы русские люди относились к своему русскому народу, как, скажем, те же туркмены к Туркмении» [20].

Следует подчеркнуть: не стоит огульно обвинять лидеров российской демократической эмиграции в «предательстве» интересов России, «продаже» ее территорий и т.д. Даже те, кто в глазах правомонархической эмиграции были главными пособниками сепаратистов – старые меньшевики, в прессе не раз выступали против радикализма националистов. Так, Р.А. Абрамович полагал, что не учредительные собрания отдельных республик, а лишь всенародное голосование под контролем ООН должно было решать судьбу союзного государства после крушения коммунизма [21. С. 158]. С.М. Шварц предупреждал, что реальной независимости республик бывшего СССР не будет: они превратятся в «форпосты – фактически орудия – какой-либо великой державы или коалиции держав, враждебной России» [22. С. 127].

Требование немедленного провозглашения независимости республик бывшего СССР после падения коммунизма категорически не устраивало многих русских эмигрантских политиков, в том числе принадлежавших к демократическому лагерю. Известный писатель М.А. Алданов был, например, поражен тем, что А.Ф. Керенский вообще был готов обсуждать подобные варианты. «Пять лет тому назад, после победы, – писал М.А. Алданов В.А. Маклакову в 1951 г., – он в частных разговорах одобрял и приветствовал все территориальные приобретения советского правительства. Таким образом, тогда ему были нужны Константинополь и Кенигсберг, где никто ни одного русского слова не знает. Теперь же он “согласен” на отделение Киева, Харькова, Баку, Тифлиса, быть может, и Сибири (сепаратистское движение можно создать где угодно)! Это бывший глава русского правительства! ... Теперь, конечно, его согласию грош цена. Но в свое время этот вексель будет ему показан... Незачем себя спрашивать, почему, зачем и для чего (или для кого) это сделано теперь: ответ достаточно ясен» [23].

Однако никакие компромиссы не помогли наладить диалог с радикальными националистами. Национальные группы были представлены на совещании с русскими эмигрантами в усеченном виде: крайние националисты вообще не приехали в Висбаден. Так, в совещании не участвовала ни одна украинская группировка, Азербайджан, по словам А.Ф. Керенского, представляли так называемые «азербайджанцы русской ориентации» [24] и т.д.

Однако даже эти, казалось бы, настроенные на диалог с русскими демократами националисты не смогли найти с ними общий язык. Совещание (вновь открытое И. Дон Левиным, что демонстрировало ключевую роль американцев как инициаторов данного проекта) прошло в постоянных спорах. А.Ф. Керенский попытался поставить «националов» перед фактом, заявив, что платформа Штутгартского совещания – это не проект, а «тот статут, который предлагается сегодня всем присутствующим как база нашей работы» [24. Л. 19]. Однако это не помогло.

Разногласия между русскими эмигрантскими организациями и националистами носили комплексный характер. Дело, конечно, было не только в том, что слово «Россия» в названии проектируемого СОНР решительно не устраивало национальные группы. Проблема коренилась гораздо глубже: российские демократы предлагали дать народам право на самоопределение и выход из состава федерации, на что представитель Белорусской народной рады Б. Рагуля тут же парировал: «Но ведь федерации еще нет!» [24. Л. 77]. Если для русских организаций территория СССР по умолчанию была неким геополитическим целым, то лидеры националистов так не считали. Характерна в этом плане предложенная грузинской делегацией резолюция: «Свободные народы, существовавшие как суверенные государства с международным признанием и павшие жертвой военной власти, автоматически восстанавливают свою суверенность после ликвидации советского режима» [24. Л. 115].

При этом националисты начали даже ссылаться на опыт СССР, заявляя, что многое в советском наследии

нельзя было уничтожать. Так, представитель Азербайджанского совета национального единства Д. Хаджибейли заявил, что он и его соратники против возвращения к 1917 г.: «Это нас абсолютно не устраивает» [24. Л. 50]. По его словам, в СССР народы уже получили автономию, международное представительство и т.д., и от этого они не откажутся. Такое удивительное для антикоммунистов заявление шокировало Б.И. Николаевского, который призвал не ссылаться на советскую Конституцию: «Формальное провозглашение самоопределения народов без уточнения ничего не дает» [24. Л. 53].

В этих условиях призывом к примирению прозвучало выступление представителя Северокавказского антибольшевистского национального объединения (СкАНО) известного впоследствии советолога А.Г. Авторханова: «У нас всех враг один... Господа русские, если вы сделаете нам некоторые уступки, я не сомневаюсь, что весь наш национальный тыл будет также единым органом борьбы» [24. Л. 66]. Этой линии лидеры СкАНО придерживались и в заявлениях в прессе. Выступая за единый антикоммунистический фронт, они подчеркивали: «У нас, у кавказцев, есть два врага: наш старый враг – империализм, и враг всего человечества – большевизм. Однако на развалинах царского империализма выросла чудовищная система народоистребления, которая может быть уничтожена только единым фронтом этих народов» [25].

Тем не менее два дня совещания не дали никаких позитивных результатов, что было констатировано в выступлении белоруса Б. Рагули. При этом всю вину за срыв соглашения он возлагал на правоцентристов С.П. Мельгунова и А.Ф. Керенского, прямо указав: «Я думаю, что в русской среде есть элементы прогрессивные, которые пойдут с нами на общую работу» [24. Л. 90].

Безусловно, в данном случае Б. Рагуля намекал на Лигу и СБОНР. Однако нельзя сказать, что последние были целиком на стороне националистов. Б.И. Николаевский, например, стремился быть именно посредником, наладить диалог с обеими сторонами. Становиться полностью на точку зрения национальных группировок он не собирался, о чем прямо и заявил им: «Сговориться с нами вам тоже не будет очень легко, потому что ни СБОНР, ни мы не можем признать разделения теперешней России на бесконечное количество независимых национальных республик» [24. Л. 91]. Впрочем, от выражения «народы России» в названии единого органа он был отказаться готов, заменив его на приемлемый для национальных групп термин «народы Советского Союза» [24. Л. 143]. Бесспорно, для многих русских эмигрантов это выглядело кощунством, отказ Б.И. Николаевского от понятия «Россия» звучал символически.

Лидеры демократической эмиграции полагали, что в данном вопросе следует идти на определенные компромиссы с националистами, во всяком случае признать за народами СССР право на самоопределение. При этом Д.Ю. Далин, например, полагал, что в реальности этот вопрос не столь судьбоносен, как кажется: после крушения коммунизма бывшие республики

СССР очень быстро осознали бы необходимость взаимодействия с Россией, формирования новых интеграционных объединений [26].

В общем, конечно, назвать успешными итоги Висбаденского совещания было трудно. Тем не менее меньшевик С.М. Шварц высказывал осторожный оптимизм, полагая, что «создана по крайней мере почва для дальнейших переговоров» [27. С. 231]. При этом он выражал желание идти навстречу пожеланиям национальных групп, полагая, что они правы: возлагать решение вопроса о будущем союзного государства на Всероссийское Учредительное собрание некорректно, поскольку это означает отказать различным народам в праве самостоятельно решать свою судьбу [27. С. 231].

Расхожие обвинения в том, что идеи о расчленении посткоммунистической России исходили от американцев, решительно парировались последними. Именно тезис о том, что лидеры Американского комитета являются друзьями России и русских эмигрантов, был краеугольным в его пропагандистской деятельности. Характерно, например, выступление Ю. Лайонса на заседании Бюро Совета ЛБНС 4 февраля 1952 г.: «Американский комитет является вообще единственной общественно-политической группой во всем демократическом мире, которая стоит на столь благожелательной позиции в русском вопросе. За его пределами и в США, и в особенности в других странах господствует не только полное равнодушие, но и яркая враждебность идее сохранения единства России в любой форме» [28]. Таким образом, Ю. Лайонс пытался доказать своим партнерам – русским эмигрантам, что он и его коллеги по Американскому комитету делали все, от них зависящее, чтобы отстаивать в Западном мире идею единой России.

Интересно мнение сына Д.Ю. Далина, впоследствии известного американского советолога А.Д. Далина, полагавшего, что американцы в «русском вопросе» «весьма наивны», но они во многом руководствовались советами британцев – давних противников России. С последними же сотрудничали различные немецкие специалисты по России – «главным образом высшие чиновники розенберговского министерства» [29].

Безусловно, позиция американцев во многом формировалась на основе представлений об особой миссии Америки как гаранта свободы и демократии во всем мире. Об этом очень четко заявил адмирал А. Кэрк на устроенном Толстовским фондом «Обеде свободы» весной 1952 г.: «Америка – это символ Свободы и Справедливости в мире, страдающем от деспотизма, нищеты и угрозы новой мировой войны» [30].

При этом не стоит и «демонизировать» американских консультантов переговорного процесса, видеть, как это было нередко свойственно эмигрантским политикам, именно в американцах виновников провала этой идеи. Характерно, что не участвовавший в переговорах, подчеркнута отстраненный от эмигрантской политики М.А. Алданов был, на наш взгляд, гораздо более взвешенным в оценках этого вопроса. В 1954 г. в письме В.А. Маклакову он подчеркивал: «Я знаю и дон Девина, и Лайонса. Они не “аферисты”, хотя, ко-

нечно, искали в деле и большого заработка». Русский писатель указывал, что американцы во многом действительно были движимы идейными соображениями: «Дон Левин был врагом коммунистов всегда. Лайонс был близок к коммунистам, но давным-давно с ними порвал и тоже стал ожесточенным врагом» [31]. Иными словами, эти люди искренне стремились к созданию серьезного антикоммунистического эмигрантского центра, используя для этой цели потенциал эмигрантов из России и СССР.

Долгое время эмигранты полагали, что многое из того, что в ходе переговорного процесса вызывало у них отторжение, связано с особенностями личности И. Дон Левина. Однако постепенно им становилось ясно, что это не так. В декабре 1951 г. В.М. Зензинов указывал в письме Я.В. Буданову: «Мы, увы, были в Мюнхене во власти иллюзий, когда выражали надежду, что упражнения над нами Дон Левина были его личной импровизацией. Нет – такова позиция всего Американского комитета, продиктованная ему, несомненно, из Вашингтона... Конечно, никто не знает, откуда это идет – от Эчисона (имеется в виду Д. Ачесон. – А.А.), Кеннана или Бедел Смита. Всего вернее, конечно, что от последнего» [32]. Фактически о том же он писал и Тер-Погосянам: «Нет, это не импровизация Дон Левина... Это Вашингтон. Но кто в Вашингтоне – вот вопрос. Разведка во главе с Бедел Смитом? Эчисон? Какой-либо еще другой министр (например, министр обороны Ловетт)? Может быть, и тот, и другой, и третий. Нелепость американской политики заключается в том, что из Вашингтона могут одновременно дергать за совершенно разные ниточки! Невероятно, но факт. Америка – “молодая страна”» [33].

Интересна, на наш взгляд, оценка американских консультантов проекта, сделанная Б.И. Николаевским. Сам опытный политик, он, возможно, не без основания обвинял некоторых американцев в политической наивности, недостаточном знании специфики русской эмигрантской политики. Осенью 1954 г. он напишет П.А. Берлину: «Все молодые американцы, сидящие над русскими вопросами, славные парни и искренние демократы. Исключения совсем редки. Но все они – “простодушные американцы”, которых вертит вокруг пальца наша российская шпана...» [34].

В целом, безусловно, на переговорах вокруг политического объединения эмиграции существовал целый клубок противоречий. Очень характерно замечание В.М. Зензинова в одном из писем Я.В. Буданову: «Боже мой, Боже мой – сколько кругом мутной воды!» [35]. Внутри самих русских эмигрантских организаций не было единства, причем переговорный процесс стал дополнительным катализатором дезинтеграционных процессов. К сожалению, русские демократы традиционно не могли прийти к компромиссам. Интеллигентские конфликты и скандалы разрушали участников переговоров изнутри. «Всюду расколы, скандалы, много грязи, все разделился – каждый, мне кажется, на три половинки...» [33], – так характеризовал ситуацию В.М. Зензинов.

Хрупкое соглашение, которого удалось достичь в Висбадене, очень быстро стало разрушаться. Возникший в октябре 1952 г. Координационный центр

антибольшевистской борьбы (КЦАБ) оказался весьма непрочным. Переименованный позднее в Координационный центр освобождения народов России (КЦОНР), он довольно быстро вступил в полосу организационных кризисов.

Ситуация осложнялась еще и тем, что на рубеже 1952–1953 гг. произошла смена президентской администрации в США. Зачастую этот факт ускользал от внимания связанных с переговорами русских эмигрантов (как часто забывается и современными исследователями данной темы), однако он играл немалую роль. Проект Американского комитета возник в условиях демократической администрации Г. Трумэна, являлся детищем некоторых ее видных чиновников. Какова будет линия пришедших к власти республиканцев, никто не знал. В январе 1953 г. А.М. Бургина встретила одного из украинских эмигрантских политиков, настроенного на диалог с русскими группировками. По словам А.М. Бургиной, этот человек посоветовал ей передать Б.И. Николаевскому, «чтобы вы на Американский комитет не глядявались, ибо они теперь в связи с переменой администрации никакой политики не имеют» [36].

Эти события происходили на фоне активизации деятельности «националов». В марте 1953 г. в Париже собрались представители Армянской демократической республики, Белорусской Рады, правительства Грузинской демократической республики и Грузинского национального совета, Исполкома Украинского национального совета, а также делегации Азербайджана и Северокавказской республики. Они предложили Американскому комитету вести переговоры с их блоком отдельно от русских организаций [37]. Это нанесло сильнейший удар по проекту единого антибольшевистского центра народов СССР.

Активизация националистов привела к новому кризису в переговорном процессе и трансформациям КЦАБ. Летом 1953 г., после выхода из объединенной структуры правоцентристских Союзов борьбы за свободу России и Российского народного движения (РНД), новым председателем КЦАБ стал известный деятель левого крыла СБОНР К.А. Крылов, его заместителем – другой левый власовец П.П. Кружин [38]. Как пишет П.Н. Базанов, формирование так называемого «Парижского блока» Лиги борьбы за народную свободу и левого крыла СБОНР привело к их союзу с национально-сепаратистскими организациями, который был оформлен в июле 1953 г. в виде Международного антибольшевистского координационного центра (МАКЦ) [3. С. 291].

При этом следует учитывать, что переговоры вокруг создания единого эмигрантского политического центра неслучайно совпали с периодом Корейской войны 1950–1953 гг. Это была одна из высших точек холодной войны, когда США стремились мобилизовать все силы, способные противостоять СССР и его союзникам. Исключительно важной вехой в переговорном процессе, бесспорно, стала смерть И.В. Сталина. Надежды на перемены в политике Кремля привели к тому, что американская политическая элита несколько изменила тактику идеологической борьбы против

СССР. Перемирие в Корею было одним из ключевых символов снижения международной напряженности. Финансирование многих проектов эпохи Корейской войны было сокращено. Для русских антикоммунистов это был тяжелый удар. Уже в 1953 г. такой весьма информированный человек, как Д.Ю. Далин, писал об этом Л.О. Дан: «После того как Американский комитет закрыл кран, в пруду осталось еще столько живительной воды, сколько нужно, чтобы прожить 3–4–5 месяцев; другими словами, от прежних “подливок” в кассах всех партий еще есть по несколько тысяч марок, и они строят грандиозные планы массовых митингов в эмигрантских столицах, газет, воззваний и пр. Втайне все надеются (и говорят об этом втихомолку), что Американский комитет переложит гнев на милость и признает их комбинацию достойной поддержки» [39].

На этом фоне происходили последние конвульсии объединительного процесса в эмигрантской среде, инициированного Американским комитетом. В 1954 г. ряд радикальных групп националистов создал отдельную структуру – Лигу антибольшевистских организаций народов Советского Союза (ЛАОНСС). Еще более четко обнаружился кризис КЦОНР, из которого к лету

1955 г. вышли Союз борьбы за свободу России и НТС [40]. По замечанию П.Н. Базанова, сотрудничество деятелей Лиги борьбы за народную свободу с украинскими националистами, «которых члены ЛБНС ранее обоснованно обвиняли в соучастии в массовых убийствах еврейского, русского и польского населения СССР и стран Восточной Европы, привело их к полной компрометации среди русской и еврейской диаспор» [3. С. 291]. Результатом этого было прекращение существования Лиги в середине 1950-х гг. Фактически это означало и конец идеи политического объединения эмиграции, в которую так много сил вложила старая русская демократия.

Таким образом, анализ исторических источников показывает, что именно вопрос о будущем единого государства после крушения коммунистического режима в СССР оказался своеобразным «камнем преткновения» на переговорах о политическом объединении эмиграции. Несмотря на все усилия Американского комитета, достичь компромисса не удалось: русские эмигранты так и не смогли наладить конструктивный диалог с националистическими группировками, представлявшими различные народы СССР.

Список источников

1. Tromly B. Cold War Exiles and the CIA. Oxford: Oxford University Press, 2019. 352 p.
2. Назаров М.В. Миссия русской эмиграции. Ставрополь : Кавказский край, 1992. 416 с.
3. Базанов П.Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988). 2-е изд. СПб. : СПбГУКИ, 2008. 468 с.
4. Pivovarov E. The Papers of Boris Leo Brasol and the Pushkin Society in America in the Manuscript Division in the Library of Congress // Journal of American Ethnic History. 2003. Vol. 23 (1). P. 85–92.
5. American Aid to the Kremlin's Russian enemies // Georgetown University Library. Special collections (GUL. SC). Robert F. Kelley papers. Box 5. Folder 1.
6. American Committee for the Liberation of the Peoples of Russia. 11.02.1952 // GUL. SC. Robert F. Kelley papers. Box 5. Folder 1.
7. В.М. Зензинов – Тер-Погосьян. 05.03.1952 // Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture (BAR). Vladimir M. Zenzinov papers. Box 38. Folder “Subject files: Liga borby za narodnuiu svobodu (1951–1952). Correspondence. N–R”.
8. В.М. Зензинов – М.М. Тер-Погосьян. 21.11.1951 // BAR. Vladimir M. Zenzinov papers. Box 38. Folder “Subject files: Liga borby za narodnuiu svobodu (1951–1952). Correspondence. N–R”.
9. Schwartz H. Refugees mapping Anti-Stalin fight // New York Times. 1951. Aug. 12.
10. Протокол совещания в Фюссене в январе 1951 г. // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 10015. Оп. 1. Д. 842. Л. 3–10.
11. Легостаев Ф.М. Как это было: у истоков СБОНРа // В поисках истины. Пути и судьбы второй эмиграции / под общ. ред. А. В. Попова. М. : РГГУ, 1997. С. 86–95.
12. Лига борьбы за народную свободу // BAR. Vladimir M. Zenzinov papers. Box 37. Folder “Subject files: Liga borby za narodnuiu svobodu. 2”.
13. Социалистический вестник (Нью-Йорк). 1951. № 8. С. 150–151.
14. Абрамович Р.А. Фюссен и Штутгарт // Социалистический вестник (Нью-Йорк). 1951. № 9–10. С. 183–184.
15. Далин Д.Ю. Фиаско // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1951. 27 мая.
16. Протокол совещания в Штутгарте. 1951 // ГАРФ. Ф. 10015. Оп. 1. Д. 870. Л. 2–30.
17. Возрождение (Париж). 1951. № 6. С. 175–182.
18. Б. Калныньш – В.М. Зензинову. 15.09.1951 // BAR. Vladimir M. Zenzinov papers. Box 38. Folder “Subject files: Liga borby za narodnuiu svobodu (1951–1952). Correspondence. I–K”.
19. В.М. Зензинов – Б. Калныньшу. 20.09.1951 // BAR. Vladimir M. Zenzinov papers. Box 38. Folder “Subject files: Liga borby za narodnuiu svobodu (1951–1952). Correspondence. I–K”.
20. В.М. Зензинов – Л.И. Львову. 04.10.1951 // BAR. Vladimir M. Zenzinov papers. Box 38. Folder “Subject files: Liga borby za narodnuiu svobodu (1951–1952). Correspondence. L–M”.
21. Абрамович Р. К национальному вопросу в России // Социалистический вестник (Нью-Йорк). 1950. № 8–9. С. 157–158.
22. Шварц С. М. К национальному вопросу в России // Социалистический вестник (Нью-Йорк). 1951. № 6–7. С. 125–127.
23. М.А. Алданов – В.А. Маклакову. 26.09.1951 // Hoover Institution Archive on War, Revolution and Peace (HIA). Vasilii Maklakov papers. Box 2. Folder “M. Aldanov. 1951”.
24. Протокол совещания в Висбадене. 1951 // ГАРФ. Ф. 10015. Оп. 1. Д. 881. Л. 10–140.
25. Свободный Кавказ (Мюнхен). 1951. № 1. С. 1.
26. Далин Д.Ю. Национальный сумбур // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1952. 29 июля.
27. Шварц С.М. После Висбадена // Социалистический вестник (Нью-Йорк). 1951. № 12. С. 230–231.
28. Протокол заседания Бюро Совета Лиги. 04.02.1952 // BAR. Vladimir M. Zenzinov papers. Box 37. Folder “Subject files: Liga borby za narodnuiu svobodu”.
29. А.Д. Далин – В.М. Зензинову. 24.04.1951 // BAR. Vladimir M. Zenzinov papers. Box 37. Folder “Subject files: Liga borby za narodnuiu svobodu. 2”.
30. Америка и всемирная свобода // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1952. 8 мая.
31. М.А. Алданов – В.А. Маклакову. 04.10.1954 // HIA. Vasilii Maklakov papers. Box 2. Folder “M. Aldanov. 1954”.
32. В.М. Зензинов – Я.В. Буданову. 18.12.1951 // BAR. Vladimir M. Zenzinov papers. Box 38. Folder “Subject files: Liga borby za narodnuiu svobodu (1951–1952). Correspondence. A–C”.

33. В.М. Зензинов – Тер-Погосьянам. 20.12.1951 // BAR. Vladimir M. Zenzinov papers. Box 38. Folder “Subject files: Liga borby za narodnuiu svobodu (1951–1952). Correspondence. N–R”.
34. Б.И. Николаевский – П.А. Берлину. 20.10.1954 // HIA. Boris I. Nicolaevsky collection. Ser. 248. Box 473. Folder 1.
35. В.М. Зензинов – Я.В. Буданову. 03.02.1952 // BAR. Vladimir M. Zenzinov papers. Box 38. Folder “Subject files: Liga borby za narodnuiu svobodu (1951–1952). Correspondence. A–C”.
36. А.М. Бургина – Б.И. Николаевскому. 19.01.1953 // HIA. Boris I. Nicolaevsky collection. Ser. 248. Box 475. Folder 4.
37. Меморандум об усилении борьбы против большевизма. Март 1953 г. // BAR. Vladimir M. Zenzinov papers. Box 37. Folder “Subject files: Liga borby za narodnuiu svobodu. 3”.
38. Народная воля (Мюнхен). 1953. 17 июля.
39. Д.Ю. Далин – Л.О. Дан. 1953 // International Institute of Social History (IISH). Lidija Dan collection. Folder 9.
40. Часовой (Брюссель). 1955. № 354. С. 20–21.

References

1. Tromly, B. (2019) *Cold War Exiles and the CIA*. Oxford: Oxford University Press.
2. Nazarov, M.V. (1992) *Missiya russkoy emigratsii* [The Mission of the Russian Emigration]. Stavropol: Kavkazskiy kray.
3. Bazanov, P.N. (2008) *Izdatel'skaya deyatel'nost' politicheskikh organizatsiy russkoy emigratsii (1917–1988)* [Publishing Activities of Political Organizations of the Russian Emigration (1917–1988)]. 2nd ed. St. Petersburg: SPbGUKI.
4. Pivovarov, E. (2003) The Papers of Boris Leo Brasol and the Pushkin Society in America in the Manuscript Division in the Library of Congress. *Journal of American Ethnic History*. 23(1). pp. 85–92.
5. Georgetown University Library. (n.d.) *American Aid to the Kremlin's Russian enemies. Special collections (GUL. SC)*. Robert F. Kelley Papers. Box 5. Folder 1.
6. American Committee for the Liberation of the Peoples of Russia. (1952) 11.02.1952. *GUL. SC. Robert F. Kelley papers*. Box 5. Folder 1.
7. The Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture (BAR). (1951a) *V.M. Zenzinov – Ter-Pogosyanam* [V.M. Zenzinov to the Ter-Pogosyans]. 5th March. Vladimir M. Zenzinov Papers. Box 38. Folder “Subject files: Liga borby za narodnuiu svobodu (1951–1952). Correspondence. N–R.”
8. The Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture (BAR). (1951b) *V.M. Zenzinov – Ter-Pogosyanam* [V.M. Zenzinov to the Ter-Pogosyans]. 21st November. Vladimir M. Zenzinov Papers. Box 38. Folder “Subject files: Liga borby za narodnuiu svobodu (1951–1952). Correspondence. N–R.”
9. Schwartz, H. (1951) Refugees mapping Anti-Stalin fight. *New York Times*. 12th August.
10. The State Archive of the Russian Federation (GARF). (n.d.) *Protokol soveshchaniya v Fyussene v yanvare 1951 g.* [Minutes of the Meeting in Füssen in January 1951]. Fund 10015. List 1. File 842. pp. 3–10.
11. Legostaev, F.M. (1997) Kak eto bylo: u istokov SBONRA [How It Was: At the Origins of the SBONR]. In: Popov, A.V. (ed.) *V poiskakh istiny. Puti i sud'by vtoroy emigratsii* [In Search of Truth. Paths and Fates of the Second Emigration]. Moscow: RGGU. pp. 86–95.
12. The Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture (BAR). (n.d.) *Liga bor'by za narodnyuyu svobodu* [League of Struggle for People's Freedom]. Vladimir M. Zenzinov Papers. Box 37. Folder “Subject files: Liga borby za narodnuiu svobodu. 2.”
13. *Sotsialisticheskiy Vestnik* (New York). (1951) 8. pp. 150–151.
14. Abramovich, R.A. (1951) Fyussen i Shtuttgart [Füssen and Stuttgart]. *Sotsialisticheskiy Vestnik* (New York). 9–10. pp. 183–184.
15. Dalin, D.Yu. (1951) Fiasco [Fiasco]. *Novoe russkoe slovo* (New York). 27th May.
16. The State Archive of the Russian Federation (GARF). *Protokol soveshchaniya v Shtutgarte* [Minutes of the Meeting in Stuttgart]. Fund 10015. List 1. File 870. pp. 2–30.
17. *Vozrozhdenie* (Paris). (1951) 6. pp. 175–182.
18. The Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture (BAR). (1951c) *B. Kalnyn'sh – V.M. Zenzinovu* [B. Kalnynsh to V.M. Zenzinov]. 15th September. Vladimir M. Zenzinov Papers. Box 38. Folder “Subject files: Liga borby za narodnuiu svobodu (1951–1952). Correspondence. I–K.”
19. The Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture (BAR). (1951d) *V.M. Zenzinov – B. Kalnyn'shu* [V.M. Zenzinov to B. Kalnynsh]. 20th September. Vladimir M. Zenzinov Papers. Box 38. Folder “Subject files: Liga borby za narodnuiu svobodu (1951–1952). Correspondence. I–K.”
20. The Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture (BAR). (1952) *V.M. Zenzinov – L.I. Lvovu* [V.M. Zenzinov to L.I. Lvov]. 4th October. Vladimir M. Zenzinov Papers. Box 38. Folder “Subject files: Liga borby za narodnuiu svobodu (1951–1952). Correspondence. L–M.”
21. Abramovich, R. (1950) K natsional'nomu voprosu v Rossii [On the National Question in Russia]. *Sotsialisticheskiy vestnik* (New York). 8–9. pp. 157–158.
22. Shvarts, S.M. (1951) K natsional'nomu voprosu v Rossii [On the National Question in Russia]. *Sotsialisticheskiy vestnik* (New York). 6–7. pp. 125–127.
23. Hoover Institution Archive on War, Revolution and Peace (HIA). (1951) *M.A. Aldanov – V.A. Maklakovu* [M.A. Aldanov to V.A. Maklakov]. 26th September. Vasilii Maklakov Papers. Box 2. Folder “M. Aldanov. 1951.”
24. The State Archive of the Russian Federation (GARF). (1951) *Protokol soveshchaniya v Visbadene* [Minutes of the Meeting in Wiesbaden]. Fund 10015. List 1. File 881. pp. 10–140.
25. *Svobodnyy Kavkaz* (Munich). (1951) 1. p. 1.
26. Dalin, D.Yu. (1952) Natsional'nyy sumbur [National Chaos]. *Novoe russkoe slovo* (New York). 29th July.
27. Shvarts, S.M. (1951) Posle Visbadena [After Wiesbaden]. *Sotsialisticheskiy Vestnik* (New York). 12. pp. 230–231.
28. The Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture (BAR). (1952) *Protokol zasedaniya Byuro Soveta Ligi* [Minutes of the Meeting of the League Council Bureau]. 4th February. Vladimir M. Zenzinov Papers. Box 37. Folder “Subject files: Liga borby za narodnuiu svobodu.”
29. The Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture (BAR). (1951e) *A.D. Dalin – V.M. Zenzinovu* [A.D. Dalin to V.M. Zenzinov]. Vladimir M. Zenzinov Papers. Box 37. Folder “Subject files: Liga borby za narodnuiu svobodu. 2.”
30. *Novoe russkoe slovo* (New York). (1952) Amerika i vseмирnaya svoboda [America and World Freedom]. 8th May.
31. Hoover Institution Archive on War, Revolution and Peace (HIA). (1954) *M.A. Aldanov – V.A. Maklakovu* [M.A. Aldanov to V.A. Maklakov]. 4th October. Vasilii Maklakov Papers. Box 2. Folder “M. Aldanov. 1954.”
32. The Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture (BAR). (1951f) *V.M. Zenzinov – Ya.V. Budanovu* [V.M. Zenzinov to Ya.V. Budanov]. 18th December. Vladimir M. Zenzinov Papers. Box 38. Folder “Subject files: Liga borby za narodnuiu svobodu (1951–1952). Correspondence. A–C.”
33. The Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture (BAR). (1951g) *V.M. Zenzinov – Ter-Pogosyanam* [V.M. Zenzinov to the Ter-Pogosyan]. 20th December. Vladimir M. Zenzinov Papers. Box 38. Folder “Subject files: Liga borby za narodnuiu svobodu (1951–1952). Correspondence. N–R.”
34. Hoover Institution Archive on War, Revolution and Peace (HIA). (1954) *B.I. Nikolaevskiy – P.A. Berlinu* [B.I. Nikolaevskiy – P.A. Berlin]. 20th October. Boris I. Nicolaevsky Collection. Ser. 248. Box 473. Folder 1.
35. The Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture (BAR). (1952) *V.M. Zenzinov – Ya.V. Budanovu* [V.M. Zenzinov to Ya.V. Budanov]. 3rd February. Vladimir M. Zenzinov Papers. Box 38. Folder “Subject files: Liga borby za narodnuiu svobodu (1951–1952). Correspondence. A–C.”
36. Hoover Institution Archive on War, Revolution and Peace (HIA). (1954) *A.M. Burgina – B.I. Nikolaevskomu* [A.M. Burgina to B.I. Nikolaevskiy]. 19th January. Boris I. Nicolaevsky Collection. Ser. 248. Box 475. Folder 4.
37. The Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture (BAR). (1953) *Memorandum ob usilenii bor'by protiv bol'shevizma. Mart 1953 g.* [Memorandum on Intensifying the Struggle Against Bolshevism. March 1953]. Vladimir M. Zenzinov Papers. Box 37. Folder “Subject files: Liga borby za narodnuiu svobodu. 3.”

38. *Narodnaya volya* (Munich). (1953) 17th July.

39. International Institute of Social History (IISH). (1953) *D.Yu. Dalin – L.O. Dan*. Lidija Dan Collection. Folder 9.

40. *Chasovoy* (Brussels). (1955) 354. pp. 20–21.

Сведения об авторе:

Антошин Алексей Валерьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). E-mail: alex_antoshin@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Antoshin Alexey V. – Doctor of History, Professor, Chair of Oriental Studies, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: alex_antoshin@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.01.2023; принята к публикации 15.11.2025

The article was submitted 17.01.2023; accepted for publication 15.11.2025